

Глава 20. Повседневная суета

Бай Ичэнь поплёлся вперёд, понунив голову и едва переставляя ноги. Ань Но шёл рядом, пытаясь завязать ни к чему не обязывающий разговор, но беседа не клеилась — в воздухе повисла неловкая, тягостная тишина.

На душе у Ичэня скребли кошки. Ему казалось, что он ведёт себя глупо, делает из мухи слона. Ну, сказал Старший брат Ань что-то не подумав, а он уже и лицо соорудил такое, будто ему вместо долга в мешок зерна подсунули шелуху.

И всё же...

На сердце была незаживающая рана. Юноша чувствовал себя глубоко обманутым в своих ожиданиях. Он-то, по наивности, решил, что Ань Но и впрямь относится к нему как к родному брату, а на деле это оказались лишь пустые слова. «Коллега» — вот он кто для него.

Оказывается, он по-прежнему один в этом мире.

Ань Но украдкой наблюдал за Сяо Баем. Видя его поникший, несчастный вид, он едва сдерживал порыв обнять его. Сердце обливалось кровью. Ань Но до боли сжал кулаки, впинаясь ногтями в ладони: эта тупая боль помогала рассудку удерживать власть над чувствами.

«Оттолкни его. Если ты действительно его любишь — оттолкни!»

Эта душевная пытка загоняла Ань Но в тупик. Он ловил себя на мысли: как было бы хорошо, не будь он полицейским! Или если бы он просто не брался за это задание...

Но тут же одёргивал себя. Не будь он копом, не согласись на это внедрение — он бы никогда не оказался в этом городе. И никогда не встретил бы Бай Ичэня.

«Судьба... ты что, издеваешься надо мной?» — Ань Но поднял глаза к небу, беззвучно вопрошая небеса.

Любая дорога когда-нибудь заканчивается, а в такой гнетущей атмосфере шаг невольно ускоряется. Ань Но не успел даже толком прийти в себя, как они уже подошли к дому Ичэня.

Остановившись у ворот жилого комплекса, Бай Ичэнь кивнул спутнику. Он нарочно повысил голос, стараясь придать ему бодрые нотки:

— Старший брат Ань, я пришёл! Возвращайся тоже, уже поздно.

Стрелки часов приближались к одиннадцати. Ань Но, помня, что Сяо Баю завтра спозаранку мыть посуду в ресторане, поспешил его спроводить:

— Да, иди скорее. Прими душ и ложись спать, тебе завтра рано вставать.

Бай Ичэнь не тронулся с места. Он смотрел на Ань Но, втайне надеясь услышать ещё хоть слово — что-то, в чём промелькнула бы прежняя теплота. Ему хотелось вновь почувствовать ту заботу, которой Ань Но окружил его тогда, у входа в управление полиции, когда он ждал под тусклым светом уличного фонаря.

Ань Но положил руку на плечо юноши. Пересилив себя, он слегка надавил, заставляя Ичэня развернуться к воротам.

— Иди.

Он легонько подтолкнул его в спину. Сяо Бай, поддавшись этому движению, сделал два широких шага вперёд, мгновенно увеличив дистанцию.

Бай Ичэнь замер. Не оборачиваясь, он тихо произнёс:

— Доброй ночи, Старший брат Ань.

После чего, не оглядываясь, стремительно скрылся в глубине двора.

Ань Но смотрел вслед уходящему парню. Ответное «доброй ночи» застряло в горле комом. Он знал, что ранил этого ребёнка, но ещё яснее понимал: больше всего сейчас ему самому.

Бай Ичэнь никогда не считал себя человеком, склонным заикливаться на обидах. Будь он из тех, кто не умеет отпускать ситуацию, жизнь давно бы его сломала. Поэтому, «осознав», что для Ань Но он — не более чем «коллега», он сказал себе: «Ничего страшного. Просто всё вернулось на круги своя».

На следующее утро Сяо Бай наскоро умылся и напрямую отправился в Ресторан домашней кухни Цзюсян. Он твёрдо решил: с сегодняшнего дня будет работать сверхурочно до самой ночи. Только изнурительный физический труд мог помочь ему заглушить чувство горечи и одиночества.

В каком-то смысле небеса пошли ему навстречу. Если Сяо Бай хотел довести себя до полного изнеможения, то он получил желаемое.

Спустя четыре дня добровольной каторги Ичэнь понял, что пора завязывать с самоистязанием. Всё-таки кончать жизнь самоубийством он не планировал. К тому же он, кажется, подхватил простуду: всё тело ныло, голова была тяжёлой и несвежей.

В тот вечер, когда в десять часов Бай Ичэнь, едва волоча ноги, вышел из кухни, где не смолкал звон кастрюль и стук ножей о разделочные доски, он с удивлением обнаружил за окном проливной дождь. В этом влажном южном городе дожди были частыми гостями, и после осеннего ливня всегда резко холодало. Шёл конец октября, и это была уже шестая по счёту буря за месяц.

Глядя на белую стену дождя, Бай Ичэнь невольно вспомнил свою холодную каморку в подвале. Там и так было сыро, а после такого ливня, небось, грибы на стенах вырастут. Лишь бы воду не нагнало. Последнюю неделю он даже не укрывался одеялом — оно было настолько влажным, что его хоть выжимай. Каждое утро он просыпался с ощущением, будто ледяная сырость пропитала его до самых костей.

«Ещё даже не зима...» — Ичэнь со вздохом признал, что жильё всё-таки придётся менять.

Босс Чэнь по доброте душевной предложил парню остаться в ресторане: сдвинуть пару столов — вот и кровать. Но Бай Ичэнь, подумав, отказался. Он слишком беспокоился за свой подвал. Ценных вещей у него не было, но там хранились все его документы, сберегательная книжка, фотоальбом с мамиными снимками и ворох памятных мелочей, с которыми он никак не мог расстаться. Нужно было убедиться, что всё это в сохранности.

Босс Чэнь выгнал из гаража старый фургончик, на котором возили овощи, и подбросил парня до жилого комплекса. Раскрыв старенький зонт и поблагодарив хозяина, Бай Ичэнь нырнул в потоки воды.

Спотыкаясь и скользя, он добрался до своего подвала. К тому моменту, как он зашёл внутрь, одежда на нём была хоть выжимай — словно он искупался, не раздеваясь. В комнате стояли лужи, но, к счастью, воды было немного. Проверив свои сокровища и убедившись, что они не пострадали, он с облегчением выдохнул.

Сил не осталось ни на что. Сбросив мокрую одежду, Бай Ичэнь достал из шкафа сухую простыню, завернулся в неё и рухнул на кровать. Натянув одеяло до самого подбородка, он мгновенно провалился в тяжёлый, тревожный сон.

В этом сне Ань Но обнимал его и, звонко смеясь, шептал: «Ну и глупый же ты, Сяо Бай». Голос был тёплым и родным.

Затем видение менялось: Ань Но отталкивал его и сухо ронял: «Мы просто коллеги». Голос был холодным и чужим.

Бай Ичэнь метался в полузабытьи, то сгорая от жара, то дрожа от холода. Лицо матери и Ань

Но сменяли друг друга перед его мысленным взором.

Ань Но эти дни тоже не сидел сложа руки.

Пока бар закрыли на проверку, он целыми днями пропадал у Хань Цзыфэя. Тот не упускал случая поболтать, как бы невзначай вворачивая пару слов о делах. Заодно он так же «между прочим» выпрашивал: откуда Ань Но родом, кто его родня, как учился, есть ли девушка, где сейчас живёт и не подыскать ли ему жильё получше... Слово за слово, за три-четыре дня Хань Цзыфэй полностью «прорентгенил» подставную биографию Ань Но.

В итоге обе стороны остались довольны.

Ань Но уже несколько раз сопровождал Цзыфэя на деловые обеды. Главным гостем на них был человек по имени Дун Цзюнь. Хань Цзыфэй не скупился на похвалы в адрес своего нового помощника, а Дун Цзюнь, уже наслышанный о том, как ловко Ань Но разругал ситуацию в баре, проявил к нему искренний интерес.

Пригубив вино, Дун Цзюнь с улыбкой заметил:

— Признаться, я восхищён твоей находчивостью. Всё прошло так гладко, будто вы заранее репетировали!

Ань Но скромно улыбнулся в ответ:

— Я просто люблю детективы.

Дун Цзюнь удивлённо посмотрел на него.

— Есть один известный автор, — пояснил Ань Но, — некто Гучэн. В его книге «Соль жизни» герои использовали этот трюк для перевозки товара. Мне идея показалась забавной, вот и запомнил. Нам просто повезло, что всё случилось в баре. В любом другом месте — в кафе или чайной — столько соли под рукой не найдёшь, а на кухне ресторана её целые мешки.

Дун Цзюнь одобрительно хлопнул в ладоши:

— Блестяще! Вот и верь после этого, что книги — пустая трата времени. Знание — сила! Слышишь, Цзыфэй? Тебе бы тоже не мешало почитать что-нибудь для общего развития.

Хань Цзыфэй виновато усмехнулся:

— Куда уж мне. Терпения не хватит. Мой предел — это кино под пивко.

Ань Но не сомневался: пока они ведут эти беседы, кто-то из людей Цзыфэя уже несётся в книжный, чтобы скупить все тиражи «Соли жизни» и проверить легенду.

В Китае любят решать дела за столом. Кажется, любой вопрос можно уладить во время пышного застолья. Под звон бокалов и изысканные закуски сделка была заключена. У Хань Цзыфэя была партия «Номера 4» — объём не самый большой, но он хотел сбыть его в Гуансин. А поскольку Гуансин — вотчина Дун Цзюня, после нескольких обедов с деликатесами согласие было получено.

Цинь Сяо в это время тоже был по горло в делах. Он занимался повторной проверкой легенды Ань Но, стремясь исключить малейшую возможность провала.

То, что Ань Но удалось втереться в доверие к Хань Цзыфэю, было большой удачей, но до цели было ещё далеко. В Бэйане всегда был только один истинный «король» — Лю Бо по кличке Кобра. Именно он контролировал почти весь наркотрафик в городе.

Лю Бо был умён и беспощаден. У него было несколько преданных «братьев», готовых принять на себя любой удар. За годы работы полиция так и не смогла подловить его на чём-то серьёзном. Мелкие грешки вроде организации проституции, игорного бизнеса или контроля над бандами карманников за него отрабатывали подчинённые. Прямых улик, доказывающих, что именно он стоит за торговлей наркотиками, не было до сих пор.

Этот человек прятался слишком глубоко. Официально он владел небольшой экспортно-импортной фирмой с дюжиной сотрудников. Годовой оборот — скромные три миллиона. Все налоги уплачены, таможенные декларации в идеальном порядке. Лю Бо слыл меценатом и примерным семьянином, не светился в скандалах, а его единственным секретарём был мужчина. Образцовый гражданин, комар носа не подточит.

Ань Но внедрился к Хань Цзыфэю с одной-единственной целью — выйти на Лю Бо.

Цинь Сяо тяжело вздохнул. Учитывая осторожность Кобры, отправлять к нему в логово местного полицейского было смертельно опасно. Двое агентов уже погибли, и третий раз рисковать они не имели права.

«Ань Но, береги себя, — подумал он. — Мы столько лет знакомы, я не хочу потом опознавать твой труп».

Находясь в Нинъюане, Цинь Сяо заставил сотрудника паспортного стола досконально перебрать личное дело Ань Но. Изучая документы, он размышлял: «Нужно ли придумывать

ему родителей? Может, оставить сиротой... Или пускай они будут за границей, в вечном отпуске».

Его раздумья прервал звонок Мо Ханя:

— Живо возвращайся! Хань Цзыфэй зашевелился.

На следующий день Цинь Сяо уже был на месте. Стало известно, что через три дня Хань Цзыфэй планирует отправить партию «Номера 4» в Гуансин для Дун Цзюня. Брать товар нужно было обязательно, но ни в коем случае не в Бэйане. Цинь Сяо поручили связаться с полицией Гуансина, чтобы подготовить безупречную засаду. Всё должно было выглядеть так, будто это прокол Дун Цзюня — только так можно было гарантировать безопасность Ань Но.

Пока всё шло по плану, но впереди был самый сложный этап: как заставить Хань Цзыфэя познакомить своего нового протеже с самим Лю Бо?

Ань Но ломал над этим голову. Лю Бо был крайне подозрителен. Его люди работали обособленно: Хань Цзыфэй отвечал за товар, Линь Нань — за силовые акции. На переговорах Кобра появлялся лично, обговаривал цену и тут же исчезал, оставляя все детали подчинённым. На самой сделке его никогда не было.

Все эти дельцы прикрывались легальным бизнесом. Лю Бо мог спокойно поужинать с партнёрами или сходить в сауну — всё выглядело абсолютно законно. Пара слов в кулуарах или в парилке — и дело сделано, не подкопаешься. К тому же Лю Бо не боялся предательства: у него была своя система контроля. Рассказывали, что один из его подручных, отвечавший за казино, попытался сбежать с кассой, но не успел доехать даже до кольцевой дороги — погиб в «случайной» автокатастрофе.

«А он и впрямь крепкий орешек», — зло усмехнулся про себя Ань Но.

<http://bllate.org/book/18167/1750025>